

Государство и догматизм

I

Последние годы ознаменованы нарастающей потерей Америкой всех лидирующих позиций, по всем фронтам. «Гегемония» США, чем бы она ни была и как бы ни определялась, медленно, но верно становится достоянием истории, и говорить о доминировании Америки, «нищета гегемонии» которой стала очевидной, можно уже в порядке исторического исследования (хотя при этом останется немало идеологов, доктринеров и политиков, которые не покинут старых позиций и будут упорствовать в повторении избитых мантр и штампов об «исключительной и незаменимой»).

Если подходить строго, то применительно к США правильнее говорить не о гегемонии, а о гегемонизме. *Гегемонизм* – политическая концепция, основанная на непреложном убеждении в превосходстве («чувстве превосходства») и непреодолимом стремлении к безусловному господству одного государства над другими государствами и народами, состоящая в *догматическом* признании этой непоколебимой уверенности *истиной*, получающая оформление в нормативных документах. Этому сопутствует циркуляция соответствующих мифологем и идеологем, которая, как правило, инициируется и поощряется самим государством, но возвращаются и подпитываются эти идеологемы и мифологемы из глубины народа государства, претендующего на достижение господства. Получает развитие идеология превосходства, которая в свою очередь выражается в соответствующей *доктрине* (или ряде, цепи доктрин), определяющих и полагающих целью достижение как минимум признания превосходства государства-гегемона теми государствами и народами, на которые «распространяется» превосходство (и квазидобровольного принятия «заботы и контроля» со стороны гегемона), как максимум – установления господства политического и экономического, культурного и идеологического диктата. Как показывает история, *логика гегемонизма* состоит в том, что государство-гегемон от лидерства «с элементами мягкого принуждения/убеждения» (т. е. от гегемонии в собственном смысле слова – «предводительство») *всегда скатывается*

к попытке установления полного политического доминирования, подкрепленного военной силой: так гегемон превращается в диктатора. Поэтому гегемонистская доктрина всегда выражается в «идеологическом наступлении» (часто с предварительным «культурным захватом»). И хотя стремление доминировать зачастую камуфлируется благими целями (вроде «распространения демократии» или «защиты прав человека»), даже в этом гегемон не удерживается на грани лицемерия и переходит к наступательной риторике (уже не защита, но *насаждение* демократии и т. п.).

США – эталонный пример гегемонистского государства. Гегемонизм вошел в плоть и кровь Америки. Гегемонизм – не эпизод истории США, но самая ее суть, сущностный атрибут Америки, так что вся история ее – это история длинной цепи гегемонистских доктрин. Догмат Америки как идеала состоял в том, что США – уже не только и не столько государство, но идеал политического устройства, и поэтому ее глобальная гегемония – даже не задача, поставленная политиками, не цель, предписанная доктринально, но *назначение* самой истории.

А.С. Панарин, анализируя в работе 2003 г. деятельность американских «профессиональных стратегических аналитиков», оценивая их заявления и поведение в сравнении с идеологами и доктринерами «блоковой системы» и задумываясь о причинах столь разительных перемен, констатирует, что «морального авторитета Америки хватило бы еще на долгие годы, если бы она действовала в прежней системе мировых сдержек и противовесов, обязывающей к корректности и взвешенности. Нынешние обескураживающие открытия Америки как бесцеремонной силы, насаждающей в мире диктат и двойные стандарты, откровенно попирающей права слабых и незащищенных, наказывающей по своей прихоти и под надуманными предлогами целые народы, оказались возможными лишь в ситуации, когда США выступили в роли победителя и безраздельного гегемона»¹. И вот сегодня эта «бесцеремонная сила» – уже достояние прошлого.

Закат американской гегемонии толкает ученых, мыслителей, публицистов к новому открытию СССР, его истории, пересмотру роли партии в советской политике, роли марксистско-ленинской идеологии в СССР и на международной арене, к новому изучению биполярной системы СССР – США. Биполярная геополитика

¹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 237.

тическая система была, по выражению В.Н. Расторгуева, «самым крупным из осуществленных мировых проектов за всю историю человечества»¹. В рамках «западного блока» американское лидерство представлялось (да и было) естественным и, что важно, легитимным; обоснования этой легитимности вытекали из самой сути глобального противостояния блоков, своего рода мировой системы «глобального оппонирования». Так, американский историк и политический публицист Роберт Кейган пишет: «На всем протяжении холодной войны легитимность американской силы и глобального лидерства в значительной степени казалась самоочевидной, и причем не только американцам». Помимо иных факторов, сама ««биполярная» международная система времен холодной войны обеспечивала то, что можно было бы назвать структурной легитимностью»². Более того, нельзя не признать определенную степень полезности и, если угодно, *благодарности* американского лидерства в рамках западного блока: как справедливо утверждает Эмманюэль Тодд, «мы обязаны признать, если хотим понять последующие события, что эта гегемония в течение многих лет была благотворной. Без признания в основном благотворного характера американского господства в 1950–1990 годы мы не сумеем оценить значения последующего перехода Соединенных Штатов из состояния полезности для мира в состояние ненужности, бесполезности и вытекающих из этого кульбита трудностей как для них, так и для нас»³.

Уход в прошлое блоковой системы для ряда влиятельных американских идеологов (если угодно, для большинства «идеологов у власти») был не поводом задуматься над судьбами влияния США в мире, но, наоборот, сильнейшим подтверждением превосходства Америки и ее ценностей: «Сформировались представления о том, что в холодной войне США победили не только как государство, но и как носитель определенной системы ценностей:

¹ *Расторгуев В.Н.* Социальная реконструкция в современном мире: идеалы и реальность, цивилизационная миссия России // *Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 7. Общественные идеалы и реальное общество. К 150-летию со дня рождения П.И. Новгородцева* / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова, О.Ю. Бойцовой. М., 2016. С. 95.

² *Кейган Р.* О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. М., 2004. С. 108–111.

³ *Тодд Э.* После империи. Pax Americana – начало конца. М., 2004. С. 22–23.

индивидуализма, религии; свободы предпринимательства; принципов политической демократии»¹. Однако всё же «победа» оказалась, по большому счету, преждевременной и нежелательной², ведь, по словам Кейгана, «в конце холодной войны... столпы американской легитимности рухнули вместе с Берлинской стеной и статуями Ленина, и в эпоху, наступившую после ее окончания, никакой замены им не появилось». По истечении же достаточно короткого времени «относительная стратегическая независимость европейцев заставила многих отказаться Америке в легитимности, которую они некогда сами же ей и предоставили»³.

При всем этом можно констатировать, используя выражение Антонио Грамши, что «излучение престижа» СССР, *как бы ушедшего* в историю без малого тридцать лет назад, не только не угасло, но и неуклонно возрастает. И в особенности это связано, как становится ясно, именно с идейным крахом американского «интернационального либерализма» и с (гео)политическим банкротством «глобализма по-американски». «Советский период был и, по всей вероятности, останется навсегда, – пишет А.А. Зиновьев, – вершиной российской истории. И как бы ни относились строители новой социальной организации России, советизм стал и будет в дальнейшем одним из решающих факторов в определении типа создаваемой ими социальной организации»⁴.

II

Духовным стержнем, скрепляющим фактором советского государства и общества, самым важным оружием в идейном и политическом противостоянии с «глобальным оппонентом» – Америкой – был марксизм-ленинизм, учение Маркса и Энгельса в его развитии Лениным и «идейной канонизации» Сталиным.

¹ От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М., 2005. С. 159–160.

² «Не имея возможности остановить распад СССР, США извлекли из него пользу, объявив о победе в холодной войне. Но с геополитической точки зрения, это была удивительно бессмысленная победа» (Валлерстайн И. Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности // Закат империи США: Кризисы и конфликты / С предисл. Б. Кагарлицкого. М., 2013. С. 28).

³ Кейган Р. Указ. соч. С. 111–112.

⁴ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. С. 422.

Создание И.В. Сталиным государственной догматической системы, названной им «ленинизм» (или «марксизм-ленинизм» – своего рода система политической догматики, ставшая основой для выстраивания уже подчиненной системы государственной идеологии) было значительным вкладом этого, пожалуй, самого выдающегося политического деятеля во всей мировой истории, не только в дело защиты и развития советского государства, но и в дело превращения Советской России в сверхдержаву: совершенно ясно, что без развернутой системы «идейного позиционирования», без развитой идеологической системы, основой которой не могла не являться проработанная догматическая конструкция, страна вряд ли смогла бы достичь такого статуса. Безусловно, и совершенно логично, что сталинская государственная догматическая система носила патриотический характер, была антикосмополитичной и во многом россиецентричной (несмотря на противоречия с некоторыми принципами марксизма)¹.

Сталинская политическая догматика, догматическая «сумма политики» (или «сталинский догматизм», «сталинская догматическая система») в нашем случае – это, просто говоря, свод фундаментальных положений о советском государстве, его идеале и цели, его месте в мировой политике и мире, его исторической сущности, носящих непререкаемый, установочный характер².

¹ А.В. Пыжиков говорит о сталинской «государственной патриотической доктрине» так: «Перед нами совершенно новое издание марксизма, где канон о приоритете мировой революции отодвинут на задний план, уступив место идеологическому концепту “русский народ – старший брат”... Согласимся: о возведении подобных патриотических воззрений в ранг государственной политики, в свое время не могли мечтать и такие апологеты патриотизма, как М.Н. Катков и К.П. Победоносцев. <...> А при Сталине... мощно спрессованная патриотическая доктрина обрела явь!» (Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма. М., 2016. С. 193).

² Об этом см.: Никандров А.В. Коммунистическая партия в системе диктатуры пролетариата // Обозреватель Observer. 2017. № 9. С. 104–123; Никандров А.В. Диктатура пролетариата и Коммунистическая партия: К проблеме доктринальных основ советского государственного строя // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 8. Социальная эволюция и социальные революции. Посвящается 100-летию Русской революции / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова, науч.ред. А.В. Никандров. М., 2017. С. 209–242. Выражения «сталинский догматизм» и «сталинская догматика» употребляются синонимично, хотя логично было

Если в отношении теорий, концепций, любого рода «политических утверждений», можно (и, видимо, нужно) ставить вопрос о «соответствии истине», то в отношении догматики – нет, так как она и есть истина. Изменения в «догматический корпус» могут вноситься не просто на уровне руководства партии (ясно, что партия – высшая и единственная инстанция), но только безусловно авторитетным образом и при условии отсутствия противоречий с фундаментальными положениями. Н.С. Хрущев нанес сильнейшие удары именно «по догматике», и главных из них два: нелепое и в высшей степени вредное для партии «осуждение культа личности», а также введение в теоретический оборот и политический язык формулы «общенародное государство»¹. В этом же ряду –

бы предположить, что догматика – это содержательная часть, «набор» (конечно, система) политических аксиом; тогда как догматизм – скорее принцип построения подобных систем. Однако такое строгое понятийное оформление, как представляется, будет несколько излишним: нет смысла ужесточать определения там, где всё достаточно ясно из контекста.

- ¹ Новация эта в действительности придумана не Хрущевым и его консультантами, но взята из проекта Программы компартии, разработанного под руководством И.В. Сталина и А.А. Жданова в 1947 г., оставленного в дальнейшем без внимания и не оказавшего никакого заметного влияния на жизнь партии до 1961 г., когда он был реанимирован. Текст проекта был с комментариями опубликован В.В. Трушковым в 2016 г. в газете КПРФ «Правда» (<http://gazeta-pravda.ru>). Помимо прочего, в проекте заявлено: «Советское государство является выразителем силы, воли и разума народа. С ликвидацией эксплуататорских классов, победой социализма и установлением полного морально-политического единства всего народа диктатура пролетариата выполнила свою великую историческую миссию. Советское государство превратилось в подлинно всенародное государство» («Правда», № 94, 2016. 26–29 августа). Обращает внимание именно это «*всенародное*» (а не менее акцентированное «*общенародное*», как в Третьей программе КПСС), а также, можно сказать, «не совсем сталинский» стиль текста (хотя типично сталинские нотки проскальзывают). В этом «*подлинно всенародном*» (встречаются, стало быть, и не подлинно всенародные) государстве прочитывается всё что угодно: Руссо, декабристы, американская конституция, античный полис, коммунистическое общество (два последних концепта не имеют отношения собственно к *государству*) – но не Маркс. Интересно, что глухие упоминания об этом проекте проскальзывали в советских работах (см., напр.: Бурлацкий Ф.М. Ленин, государство, политика. М., 1970. С. 365). Понятно, что составители Третьей программы партии, принятой на XXII съезде, хотели бы скрыть свой «источник вдохновения». Об этой сложной, отчасти таинственной,

отмеченная А.И. Фурсовым третья ошибка, заключавшаяся в постулировании одной из задач КПСС – «способствовать удовлетворению растущих материальных потребностей советских граждан»¹. Удары не были смертельными: сталинская идейная партийно-догматическая система оказалась достаточно жизнеспособной и в «усеченном» виде просуществовала до окончания исторического срока Советского Союза. Впрочем, относительно «срока» уверенности нет: возможно, следует правильное сказать «конкретного периода», поскольку у *идеи Советского Союза* никакого «исторического срока существования» нет, она вечна, и, вполне возможно, сила ее когда-либо возрастет настолько, что Советская империя возродится к жизни.

Одним из общих мест наших идеологических противников была критика с этой стороны: партия якобы «догматизирует» марксизм, не дает ему «развиваться», «омертвляет» некое «живое учение»². Во-первых, и прежде всего, подобно тому как «не человек для субботы, а суббота для человека» – не государство для марксизма, а марксизм для государства. Во-вторых, суть тут вовсе

интригующей и важной проблеме, помимо публикаций в «Правде» В.В. Трушкова, см.: Бударин В.А. Проект 1947 – зародыш гибели СССР // *Бударин В.А. ...Истина дороже! Полемические очерки.* М., 2017; *Симонов М.А.* Проект программы ВКП(б) 1947 г.: Причины и ход разработки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3–2 (77). С. 157–161.

¹ *Фурсов А.И.* Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерения. М., 2017. С. 11. И далее: «Дело даже не в том, что это – не задача КПСС, а в лучшем случае – правительства. ...КПСС на одну доску с высокими идеалистическими и стратегическими целями поставила повседневно-материальные, бытовые задачи, резко снижая планку» (С. 11).

² Метафора «живое учение» вносит в политические споры полную неясность, путаницу. Как определить, живое ли такое-то учение или нет, и в каком смысле его можно назвать «живым»? Что угодно можно назвать «живым учением», в каком угодно моменте развития и в каком угодно смысле, не обращая внимания на соответствие исторической динамике. Вообще эта метафора применима больше к восточным культам, нежели к теориям и доктринам России и Запада. Оспорить же утверждение, «такая-то теория – это живое/мертвое (в политическом или ином смысле) учение», не прибегая к контрметафорам, эмоциям (то есть заведомо выходя за пределы науки), крайне затруднительно.

не в отсутствии у западных ангажированных критиков понимания взаимосвязанности марксизма и советского государства (и, соответственно, того, что развитие марксизма, направление этого развития – дело прежде всего *государственное*, а уже затем – дело ученых, исследователей, мыслителей, идеологов); *но в установках идейной борьбы* – атаковать советский марксизм с разных направлений, в том числе и с этого. Так, когда Бжезинский говорит, что «существование коммунистических партий фактически превратилось в тормоз для дальнейшего восприятия и развития марксистского учения»¹ – совершенно ясно, что меньше всего его заботит «развитие марксистского учения», а вот «существование коммунистических партий» – это как раз основная его проблема. Отсюда все его (и его коллег) призывы к «борьбе за истинный марксизм», за «дедогматизацию», «расколдовывание» марксизма и пр. Как если бы Бжезинского, этого «маршала идеологической армии» противника, интересовало развитие марксизма! Как если бы его смущало то, что кто-то решил «умертвить» это «живое учение»! И как если бы, с другой стороны, целью существования советского государства было «творческое развитие марксизма»! В этом плане становится ясно, что хотел выразить Сталин, когда в 1938 г. в речи на приеме работников высшей школы поднимал тост «за здоровье Ленина и ленинизма».

Вызывает улыбку и притворное сочувствие идеолога «пытливым умам», которые, не вписываясь в «догматические рамки», «неизбежно либо вступали в острый конфликт с партийной дисциплиной, либо в конечном счете были исключены из партии»². Мишень идеолога американского гегемонизма – то, что он называет «институциональным марксизмом», и тут правдоискатели от марксизма, «пытливые интеллектуалы» (особенно те из них, кто с той или иной интенсивностью оппонировал своим компартиям, а тем более диссиденты) очень удобны в качестве того, что американцы называют *wrecking ball*. Так что Бжезинский вовсе не сочувствует «правдоискателям», но, как хороший мастер идеологической войны, готовит, а затем проверяет свой военный арсенал.

Сталинская догматика строится на центральных, сущностных постулатах учения Маркса и Энгельса в его развитии Лени-

¹ Бжезинский Зб. Между двумя эпохами. Роль Америки в эру технотроники. М., 1972. С. 84.

² Там же.

ным и самим Сталиным (а вовсе не на упрощении, омертвлении и т. п.). Эти максимы теории фундаментальны по отношению к советскому государственному и партийному строительству (равно как и к разработке советской системы права), потому им и придается статус догм. При этом догматическая система предполагает разработанную систему баланса собственно догматики, теории и риторики: определенные положения теории, но не сущностные (пролетариат – диктатура пролетариата – партия – государство диктатуры пролетариата) при определенных обстоятельствах могут стать догмами или наоборот; некоторые же, не соответствующие насущным потребностям государства, могут риторизироваться, то есть в определенных пределах допускается «маневр», «лабиринтирование» между постулатами и обстоятельствами. Крайне редко этот механизм догматизации-риторизации применяется к важнейшим максимам, но бывает и такое: так, фундаментальный догмат марксизма о мировой революции с помощью «риторической машины времени» был отправлен в весьма отдаленное будущее; концепция же пролетарского интернационализма была просто растворена в риторических формулах. Как видно, догматическая система строится на основе теоретического осмысления политической реальности, но, будучи построена, существует вполне автономно (и скорее теорию следует подверстовать к догматике), ведь ее функция – не теоретическая, но в высоком плане практическая: быть каноном для «единомыслия в государстве», и так государство будет единым. Как Средневековые (*ancilla theologiae*), так и платоновские интуиции здесь прочитываются довольно легко.

Советская политическая догматика в своем содержательном аспекте

– *базируется* на текстах основоположников (Маркс и Энгельс) и классиков марксистского учения (т. е. мыслителей, признанных и «утвержденных» таковыми партией, – это Ленин и Сталин, но в принципе этот список мог быть и больше; тексты Сталина после 1956 г. имплицитно влияли на развитие марксизма-ленинизма в СССР не в меньшей степени, нежели до XX съезда КПСС);

– *фиксируется и развивается*: 1) в важнейших установочных партийных документах: программы партии, материалы съездов, пленумов и иного рода форумов; постановления по всем вопросам «жизни и мысли» государства; 2) в *специальных работах* руководителей партии и государства, заведомо имеющих статус устано-

вочных; 3) в разного рода *текстах*, не имеющих дискуссионного характера, от научных статей и монографий до газетных публикаций, прямо или косвенно инспирированных партией (или очевидно идущих в русле текущей ее линии), интерпретирующих и пропагандирующих положения теории и догматики; 4) в особого рода *книгах*, которым придается специальный высокий и/или установочный статус (например, «Краткий курс истории ВКП(б)», работы Сталина – прежде всего труд «Экономические проблемы социализма в СССР», ставший матрицей советской политэкономии социализма); 5) в выступлениях руководителей партии и государства, опубликованных и представляемых как непререкаемые и установочные;

– *отражается* во всех сферах культуры (прежде всего, как это ни странно, в архитектуре¹).

Политико-догматическая система, выстроенная Сталиным, если в чем-то и напоминает церковную, то разве что по статусу своего содержания (аксиоматичность, непререкаемость в определенных границах), а также по ряду формальных и функциональных моментов. Конечно, бессмысленно отрицать влияние на Сталина его православного богословского образования; однако если и ставить эту проблему предметно, то необходимо делать упор не на содержательных моментах, увлекаясь игрой в «сравнительное богословие» (сопоставления «партия – церковь», «пролетариат – мессия» и т. п.), не на стилистических особенностях сталинских текстов, а на соотношении духовного опыта, книжности, содержательных элементах догматики и пр. – и *инстанций*, церковной *иерархии* в православии (не поддаваясь при этом соблазну полагать этот церковный иерархизм, роль авторитета церкви отправной точкой сталинской политической и теоретической деятельности). «Отличительной особенностью восточного мистицизма является непосредственная его связь с церковной догмой». Откровение дано не отдельным людям, а всему обществу верующих, составляющих церковь; поэтому мнение церкви является высшим авторитетом и более важно, чем непосредственно получаемые откровения. Религия как социальный институт важнее, чем религия как духовный опыт»², – пишет А.М. Эткинд.

¹ См.: Паперный В. Культура Два. М., 2017.

² Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. С. 122. И далее: «Самые великие подвиги,

В самом факте догматизации учения, придания ему строгих форм и обязательности, нет ничего нового, и, в конце концов, построение на основе учения Маркса и Энгельса с учетом его развития Лениным догматической системы вполне ведь можно (и, в общем, нужно, вслед за Сталиным и всей советской традицией) считать не догматизацией, а творческим развитием, применением марксизма в новых условиях. Такая догматизация (или отчасти схоластика) была не прихотью партии во главе со Сталиным, не «средством укрепления власти», но насущной потребностью, продиктованной как внутрисполитическими обстоятельствами, так и геополитической обстановкой. В самом деле, Сталин, конструируя (или «переконструируя»), как сейчас говорят, марксистско-ленинскую идейную систему (разумеется, на основе реальной политической жизни и достижений), вполне творчески (что не означает «вольно», «произвольно») обращался с наследием предшествующих классиков, прочно увязывая создаваемый «ленинизм» с *интересами государства*, подчиняя теорию – государству, так что советская философия, говоря словами Н.А. Бердяева, вошла в пятилетний план¹. Сталин (в отличие от Хрущева) прекрасно знал силу теории, опасность грубого, вольного с ней обращения: ведь теория, если обращаться с ней неподобающим образом, легковесно, т. е. слепо следуя лишь сугубо теоретическим моментам, без опоры на нужды практики, не исходя из практики, способна нанести немалый урон государству. Об этом замечательно сказано в упоминавшейся уже работе В.А. Бударина. Вскрывая

наложенные на себя самовольно, вменяются ни во что. Лучше не верить, чем верить явлениям и откровениям, так всегда возможны ошибки относительно их источника. Демоны маскируются под ангелов, и великое бедствие – вступить в общение с демонами. Для их узнавания нет различительных признаков, доступных индивиду; поэтому православные мистики, даже отшельники, никогда не порывали связи с церковью. И наоборот, мистический опыт, отрешенный от догматических истин и не подчиненный никакому внешнему авторитету, ставил подвижника на гибельный путь субъективизма и приводил его к состоянию духовной прелести» (С. 122).

¹ «Теоретический разум, – пишет мыслитель, – должен быть соединен с практическим разумом. Философская работа должна быть соединена с трудом, с социальным строительством, должна его обслуживать. Советская философия входит в пятилетний план» (Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. СПб., 2016. С. 176).

вредоносную и антимарксистскую сущность идеи мифического «общенародного (внеклассового) государства», которая, как справедливо утверждает ученый, по своей сути антинаучна и ультимативно противоречит ленинизму, он говорит, что «подобное государство несовместимо с классовой природой любого из обществ, в котором до сего времени вообще существовало государство». Ни человечеству, ни общественной науке «не известно ни одного “внеклассового” общества и ни одного “общенародного”, т. е. внеклассового государства. Именно поэтому мифическое общенародное государство, в которое был превращен СССР, и переродилось со временем в обычное классово-буржуазное политическое образование. <...> Вместе с “теоретическим отмиранием” диктатуры пролетариата практически стало неумолимо погибать и социалистическое общество. Жизнь в очередной раз подтвердила ту непреложную истину, что в общественной теории отказ от главной характерной (определяющей) черты явления приводит к фактическому отрицанию самого явления как практической категории. Оказалось... что никакие разговоры о сохранении и укреплении роли социалистического государства, лишенного его стержня в лице диктатуры пролетариата, не способны в реальной жизни сохранить социалистическое государство в качестве главного рычага социалистического строительства»¹.

III

Основатели неолиберализма, неолиберальные мыслители, идеологи и политики, действовали по вполне сходным схемам, с той только разницей, что поначалу – и довольно долгое время – неолиберализм был оппозирующим «официальной» кейнсианской доктрине учением, созданным именно в противовес кейнсианскому тренду. (Но не только и, быть может, не столько кейнсианство было оппонентом неолиберализма: «врагом вековечным», врагом экзистенциальным для неолибералов был марксизм во всех вариантах и исторических обликах.) Вообще, догматизм в высшей степени присущ неолиберализму, который так и раскрывается в истории идей (с той разве что разницей, что по идейной силе и высоте не то чтобы проигрывает марксизму-ленинизму, но не может даже быть поставлен в сравнение): сначала –

¹ Бударин В.А. Указ. соч. С. 14–15.

великие книги основоположников, съезды основателей, затем серьезные организации, и наконец – приход к власти в сфере идей и практической политики. Начиная с 1980-х гг. и отчасти по сей день неолиберальная парадигма в мире общественных наук Запада (и отчасти России) является определяющим фактором развития (если не существования): всё, что не вписывается в каноны неолиберального талмудизма, отбрасывается на обочину науки.

«Громадное страшилище, – говорит в работе 1996 г. Р.И. Косолапов, – влачит свое малоголовое безмозглое тело по Европе и прочим континентам. В мецанских салонах и печати его появление деликатно называют “неоконсервативной волной”, а оно само именует себя “демократией” и “неолиберализмом”. Фактически речь идет о вульгарном антикоммунизме, воскрешающем мракобесие Средних веков, те заблуждения и предрассудки, которые выглядели несуразными и смехотворными уже в эпоху Просвещения... Своим тяжелым брюхом чудовище старательно утюжит все места произрастания ясной мысли и осмысленного протеста против превращения человечества в горстку заевшихся недоумков, с одной стороны, и темную массу ограбляемых рабов, кандидатов на “сокращение” из штата живущих – с другой»¹.

Несмотря на крушение источника силы, идейное поражение, теоретическое банкротство неолиберализма, инерция настолько велика, а сторонники еще настолько сильны, что до полной утраты влияния еще далеко. Неолиберализм не желает сдавать свои позиции, так что в скором времени не исключено, говоря в сталинском стиле, обострение классовой борьбы на идейно-теоретическом и идеологическом фронтах. По логике идей, противостоять неолиберализму может только превосходящее его по идейной силе и значимости в истории учение, то есть марксизм или марксизм-ленинизм (возможно, в каком-либо новом облике или варианте), ожидающий идейно-политического реванша (учитывая то, что капитал, против власти которого восстал Маркс, в неолиберализме поставлен выше человека, выше истории, выше бога, так что и человек в этом омертвляющем учении становится всего лишь функцией капитала).

Странно, почему жесткий догматизм неолиберальной системы, непререкаемость неолиберальной доктрины и непримиримость к оппонентам неолиберальных идеологов не вызывают

¹ Косолапов Р. Идеи разума и сердца. М., 1996. С. 7–8.

в среде представителей мейнстрима не то чтобы осуждения, но и минимальной рефлексии, а советский марксизм, особенно в сталинской интерпретации, вызывал и вызывает ныне сильнейшую критику, побуждая критиков к любым действиям дабы только принизить марксизм-ленинизм, умалить его силу, свести к чему угодно, но не признать силу и превосходство этой идейной и идеологической системы...

В знаменитой некогда работе 1955 г. Раймон Арон применяет уже к тому времени неоднократно проверенный способ представить марксизм как «светскую религию»¹. Этот испытанный в идеологических баталиях прием актуален и в наши дни. Р. Арон иронизирует: «Генеральный секретарь партии, владеющий жизнью и смертью миллионов людей, тоже интеллигент: на закате своей блестящей жизни он дает верным какую-нибудь новую теорию капитализма и социализма, и эта книга как бы подчеркивает величие достигнутого. Императоры часто бывали поэтами или мыслителями, но впервые император властвует как диалектик, толкователь учения и истории»². И в той же работе Арон в качестве замены марксизма – «опиума интеллектуалов» – предлагает без критики и размышлений *принять* американизм, *american way of life*, который, полагает мыслитель, есть «отрицание того, что европейский интеллигент понимает под идеологией». «Американизм не формулируется системой понятий или предположений; он не знает коллективного спасителя, ни завершения истории, ни причины, определяющей развитие... Американизм не знает разработанного правоверия или официального толкования»³. Как если бы это было правдой! Конечно, в 1955 г. «американизм» не предстал еще во всей красе своего, как говорили советские критики, «звериного лика», но многое было ясно уже тогда...

Американизм, пожалуй, куда как более догматичен, чем марксизм, при этом американизм лишен всякой интеллектуальной при-

¹ Подробнее об этом: *Никандров А.В.* «Идеологические споры» в политике: концепция «секулярной религии» Раймона Арона в идейном противостоянии интеллектуалов // *Вопросы философии.* 2015. № 7. С. 49–61; Его же. *Интеллектуалы и политика. Концепция политической роли интеллектуалов Норберто Боббио в культурно-историческом контексте XX века.* М., 2016. С. 322–335.

² *Арон Р.* Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. С. 211.

³ Там же. С. 215.

влекательности и догматической убедительности. Вопреки Арону, американизм *знал* в те годы, знает и ныне и бога (деньги), и коллективного спасителя (США), и завершение истории (вспомним Фукуяму), и смысл истории (глобальная победа доллара и Америки). Знает он и своих «правовверных и праведных» – это, возьмем яркие примеры, *фанатичные догматики* Хайек, Мизес и Поппер, как и прочие неолибералы-неотроцкисты-неоконы. При этом и тональность, и отчасти лексика мессианской программы либерального интернационализма неоконов во многом напоминали образцы советской пропаганды всемирной пролетарской революции. Небезынтересно также применить ароновские приемы и шаблоны для оценки, допустим, комплекса идей американской исключительности, божественного призвания Америки к мировому владычеству, концепции *явного* предопределения (Manifest Destiny) и т. д. Не найдутся ли и здесь подобные *аналогии*, учитывая, что как раз эти концепты пронизаны *явными и яркими* библейскими мотивами? Идеолог антикоммунизма, видимо, этого не заметил.

Как Арон сопоставляет марксизм и религию, точнее, какие аналогии находит между советским марксизмом (по его выражению, «сталинской схоластикой») и религией? Марксизм-ленинизм, или «сталинская схоластика», – это священное писание коммунизма; история партии – его священное предание, съезды Коминтерна и партии – церковные соборы, сама компартия Советского Союза как «метрополия религиозного спасения»¹, вместе с зарубежными ее епархиями (диоцезами) – это вселенская церковь коммунизма. Подобные внешние аналогии можно множить довольно долго, но смысл ароновских отождествлений вполне ясен. «Коммунизм, согласно Арону, – пишет итальянский исследователь Лоренцо Бернини, – по сравнению с другими идеологиями в наиболее полной степени носит религиозный характер, так как марксизм содержит глубокие аналогии с иудео-христианским профетизмом; ленинизм породил партию, осуществляющую те же функции, что и церковь; а сталинизм породил настоящий “культ” главы партии коммунистов. Для рядовых коммунистов, по Арону, партия хранит слово спасения, – догмат марксистской интерпретации истории»².

¹ Арон Р. История XX века: Антология. М., 2007. С. 191.

² Bernini L. Declino (o trionfo?) delle religioni secolari. Raymond Aron e la questione delle ideologie politiche [«Электрон. ресурс». Режим доступа:

Марксизм силен тем, полагает Арон, что «себе присваивает вечное стремление к справедливости, он предсказывает торжество обездоленных», то есть ведет к спасению, -а спасение невозможно вне церкви, то есть партии, которая «не может и не смеет ошибаться, так как она проповедует и воплощает в себе историческую правду»¹. Партия делает идеологию догматом, эквивалентом религии; а ее глава отныне – pontifex maximus этой «новой религии», единственный законный толкователь мистических истин для верных. При всем этом, следует заметить, ароновские аналогии – вопреки намерениям мыслителя и критика – идут в пользу «сталинской схоластики», представляют ее во вполне выигранном свете. И наоборот, если применить те же методы к неолиберализму, получается не очень хорошая картина: и «пророки» мелковаты, и «великие книги»² сомнительны, а уж об адептах и говорить нечего! Совершенно иное дело «сталинская догматика» с ее настоящими великими мыслителями и историческими деятелями, с ее настоящими великими книгами, с ее, говоря словами Флоренского, «цельностью и стройностью» (говорил он это, понятно, не о ленинизме)³.

Раймон Арон показал критикам марксизма и СССР хороший пример, и по его стопам шагали многие «разоблачители»,

URL: http://www.dialetticaefilosofia.it/public/pdf/54aron_e_l_ideologia.pdf (дата обращения 29.10.2017). Р. 11–12.

¹ Арон Р. Опиум для интеллигенции. С. 82–83.

² В качестве фундаментального трехкнижия, первостепенно важных для неолиберализма книг, Дэниел Седмен-Джоунз называет «Открытое общество» Поппера (1945), «Бюрократию» Мизеса (1944), «Дорогу к рабству» Хайека (1944). См.: *Седмен-Джоунз Д.* Рождение неолиберальной политики: от Хайека до Рейгана и Тэтчер. М.; Челябинск, 2017.

³ Если уж и сопоставлять религиозную догматику и учение марксизма-ленинизма, можно обратиться и к работам Павла Флоренского, который писал, в частности, так: «Видят ли эту цельность и стройность изучающие догматику? Видят ли они, как сцепляются отдельные звенья, почему после одного поставлено другое? Задумываются ли... над математически точно сформулированными догматами, сплетающимися кружевную ткань? <...> Ясно ли им единство плана, взаимообусловленность и взаимозависимость отдельных понятий и положений, служащих, как органы единого организма, одному планомерному целому?» (*Флоренский П.* Догматизм и догматика // *Флоренский П.* Вопросы религиозного самопознания. М., 2004. С. 127).

так что даже некоторые политики, соблазнившись легкостью «нахождения» сходных черт марксизма и религии (прежде всего христианства, впрочем, находились и критики, открывавшие сходство марксизма с исламом, например Бертран Рассел¹), не могли удержаться от написания «увлекательных трудов». Так, западногерманский социал-демократ Карло Шмид (Carlo Schmid, 1896–1979), автор практико-политических работ, в 1961 г. издает ныне незаслуженно забытую книгу «Политика и дух»². Марксизм или марксистская утопия в его терминологии «структурно имеет сходство с апокалиптической картиной старохристианской эсхатологии... Марксизм знает также смертный грех: раскол первоначально бесклассового общества, еще не дифференцированного частной собственностью и техникой... Он знает страшный суд – мировую революцию и тысячелетнее царство божие – бесклассовое общество социализма»³.

Для большинства западных «фидеизаторов» Маркса, Ленина, Сталина, советского марксизма, а также для критиков сталинизма, сталинского догматизма характерно удивительное безразличие к трудам самих мыслителей, учения которых с упорством, достойным лучшего применения, приравняются то к религии, то к вере, а то и к мифологии и древним культам⁴. Своего рода апофеозом стиля предстает работа бывшего коммуниста Эдгара Морена, который, выступая с полным ненависти к СССР, Ста-

¹ При этом Рассел не утруждается ни как-то обосновать, ни даже развить эту «глубокую» мысль (см.: *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 66).

² См.: *Schmid C.* Politik und Geist. München, 1961.

³ Цит. по: Критика фальсификаторов истории и теории марксистско-ленинской философии / Под ред. А.Д. Косичева. М., 1979. С. 115.

⁴ Так, автор весьма благожелательного послесловия к работе Рассела не может скрыть удивления и недоумения: «Случайно ли, что многие критические оценки марксистской теории даны мимоходом, в главах первой части, темы которых не обязывают к доказательному анализу теоретических проблем? Или то, что содержание второй части книги, специально предназначенной для разбора теории, как раз в этом отношении выглядит бедноватым: нет прямых ссылок ни на одну работу Маркса, Энгельса или Ленина, а объявленное критическое изложение марксизма фактически вытеснено рассуждениями о политической стратегии большевиков...» (*Марков В.С.* Послесловие // *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. С. 118).

лину, коммунизму опусом «О природе СССР» (1983), обходится вообще без ссылок и без знаний об СССР, партии, Сталине. У памфлетиста только два источника вдохновения: «Архипелаг ГУЛАГ» и ненависть к СССР, редкая по интенсивности даже для антикоммуниста. Поэтому его формулировки и бездоказательные обобщения¹, сообщаемые менторским тоном, равно как и навязчивые церковные аналогии и антисоветские эскапады, вызывают комический эффект (и это отчасти даже извиняет брутальность и развязность его «работы»). А некоторые словесные находки (вроде «марксократии», «сталинского католицизма», «ирреальная реальность коммунизма» и пр.) попросту пропадают без дела, растворяясь в потоке мореновской «анафематики». По Морену, если поверить ему, целью Сталина была самосакрализация, самообожествление; партия же (он приравнивает ее к аппарату) выходит некоей полупериферийной, полуинфернальной сущностью (Партия/Аппарат/Церковь), обладающей особой энергетикой. Получается отчасти даже красивый, отчасти зловещий текст, особого отношения к реальным историческим событиям, деятелям, книгам не имеющих.

Следует задать вопрос, почему эти критики полагали, что своими «разоблачениями» методом уподобления, если не отождествления марксизма (марксизма-ленинизма, советского марксизма)

¹ Так, к примеру, он вещает: «В то время как марксизм перестает быть Библией, становясь для социал-демократии своего рода светской педагогикой, большевизм восстанавливает интегральную научную истину марксизма и тем самым непогрешимость предвидения Маркса, носителем и одновременно инструментом которого выступает партия. Таким образом, партия обретает высшую энергию в научной уверенности в том, что она есть вождь пролетариата и исполнитель приговора Истории» (Морен Э. О природе СССР. Тоталитарный комплекс и новая империя. М., 1995. С. 41). Или такой пассаж: «С приходом Сталина марксистская истина застывает в виде “марксизма-ленинизма”, становясь церковной Истиной; Аппарат превращается в Институт, воплощающий религиозную сакральность, а слова Генсека обретают теоретическую безупречность. <...> “Марксизм-ленинизм” стал сакральным словом, единственным подлинным толкователем которого выступает Генсек Партии. Отныне пост Генерального секретаря концентрирует не только всю политическую, гражданскую, военную власть, но и Сакральность» (С. 45). Весьма странно, что – раз все это так – «сакрализатор» не озадачивается цитатами, примерами из священных, согласно же его определениям, слов и книг Сталина, марксистско-ленинских работ тех лет...

и религии, веры наносят удар по нему? Насколько «фидеизация» марксизма может умалить его как великое учение, как систему мысли и картину мира? Ведь скорее, как было отмечено, тут можно обнаружить скрытую силу марксизма¹. Тут дело в общей ложной интуиции всего неолиберального направления – постулирование «хорошего общества» как безрелигиозного, как общества без идеологии, без идеалов и целей (отодвигается даже демократия), и в этом и есть *error fundamentalis* неолиберализма и его кардинальное отличие от классического либерализма, ибо вся эта «идейно-идеологическая апофатика» водружается на место идеологии. А поскольку неолиберализм (на деле, в справедливом определении А.И. Фурсова, «крайне правый радикализм»²) не очень хорош как идеология, как система идей, то «водружать» его приходится с настойчивой агрессивностью, насильно³ (но всё равно ненадолго).

¹ Так, в своем серьезном и глубоком исследовании П.И. Новгородцев задается вопросом, в чем же фундаментальное отличие марксизма от религии и в чем состоит могущество марксизма? И отвечает: «Поскольку марксизм был своего рода религией, он мог давать известное утешение тем, кто в него верил. <...> Но сам он хотел быть не религией, а наукой, и влиять не на воображение, а на мысль. Свои религиозные обетования и надежды он облекал в форму научных выводов и аксиом. Свойственный ему пафос морально-религиозного настроения он соединял с торжественным провозглашением культа науки. И этим он необычайно импонировал той эпохе, которая так высоко ставила авторитет научного знания. <...> Получалось гордое и могущественное сооружение, опирающееся на незыблемый фундамент науки. Это и был тот первоначальный классический марксизм, который имел столь могущественное влияние в истории. Если спросить, что было в нем важнее – верования и пророчества или научные положения и доказательства, на это следует ответить: то и другое было одинаково важно для его необычайного практического успеха» (*Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 229*).

² Дело в том, – пишет ученый, – что победивший в англосаксонском (англо-американском) ядре капсистемы идейно-политический тип, подающий себя в качестве неолиберализма, на самом деле являющийся крайне правым радикализмом, логически стремится к уничтожению любой субъектности» (*Фурсов А.И. Указ. соч. С. 299*).

³ Збигнев Бжезинский изящно проговаривается: «Обладавшие непреодолимой притягательной силой идеологии уступают... место принудительно внушаемым идеям, но без той эсхатологии, которая была характерна для других исторических эпох» (*Бжезинский Зб. Между двумя эпохами. Роль Америки в эру электроники. М., 1972. С. 72*).

Религия для неолибералов – анахронизм, пережиток, и всё, что с нею, как и с традицией вообще, связано, – вещи уходящие, не имеющие актуального, современного звучания и значения. Также и марксистское мирозерцание было враждебно религии, и приравнять марксизм к религии полагалось его критиками и врагами хорошим способом «ниспровержения» этого учения.

Джон Мейнард Кейнс, учение которого (кейнсианство), как и его воплощение на практике, станет объектом яростных атак основателей и классиков раннего неолиберализма, в 1925 г. посетил СССР и стал одним из первых американских мыслителей, которые сопоставили коммунизм и религию¹, однако он полагал в «новой религиозности» советского коммунизма его силу. «Современный капитализм, – говорит А.М. Эткинд, – кажется Кейнсу “абсолютно безрелигиозным” и потому проигрывает коммунизму: ведь “любая религия и узы, объединяющие единоверцев, имеют превосходство над эгоистической раздробленностью неверующих”»².

IV

Марксистско-ленинское учение в СССР (ленинизм или марксизм-ленинизм, в западной литературе часто «советский марксизм»³) – это политико-догматическая идейная система, включающая элементы теории (но не сводимая к теории), являющаяся фундаментом идеологии партии и государства, источником доктринального творчества. В основе ее лежит универсалистская концепция истории и политики, экономического и политического развития общества, созданная Марксом и Энгельсом, развитая и обоснованная применительно к первому государству победившего социализма Лениным и Сталиным. Роль партии по отношению

¹ Конечно, следует учитывать, что в устах американских ученых, политиков, идеологов обвинение марксизма (ленинизма, марксизма-ленинизма, сталинского марксизма) в религиозности – в любом случае не столь тяжелое, нежели если оно предъявлялось бы западноевропейскими коллегами (за редкими исключениями, которые составляют в основном работы некоторых неолибералов-критиков марксизма).

² Эткинд А. Указ. соч. С. 168.

³ Формула «советский марксизм» была введена в научный оборот и политическую публицистику Гербертом Маркузе в его достаточно сдержанной работе «Советский марксизм. Критический анализ» (1958).

к «единому и единственному учению» состоит в его догматическом, научном, идеологическом оформлении, трансляции, развитии и защите от враждебных и оппонирующих идей, концепций, теорий и доктрин (равно как и во взаимодействии с ними): «Ленинизм, – говорит В.Г. Мосолов, – и в более общем плане – марксизм-ленинизм, в каждый данный момент равен самому себе, а каким он должен быть в этот момент или в данном отношении – это решает партия, ее руководство, в конечном счете ее вождь»¹. Таким образом, марксизм-ленинизм как универсальное догматическое учение сыграл безусловно положительную, благотворную роль при создании и строительстве советского государства; относительно успешно марксизм-ленинизм исполнял цементирующую и ориентирующую роль в жизни государства и его деятельности в сложнейшей геополитической обстановке второй половины XX в., вплоть до конца 80-х гг.

Ясно, что интересы государства несопоставимо выше «интересов теории», текстов и их интерпретаций: марксизм, поставленный Сталиным на службу СССР, стал *орудием* государства. Так, Милован Джилас, практически восхищаясь сталинским умением «соединить марксистско-ленинское учение с властью, с государственной мощью», определяет «сталинский марксизм» следующим образом: «Это марксизм партии, жизненная необходимость которой – превращаться во власть, в “ведущую”, господствующую силу»². Однако этот сталинский «государственный прагматизм» не следует абсолютизировать, как если бы марксизм-ленинизм при необходимости, а то и желании, мог быть заменен на другую теорию, более подходящую в данный момент для государства³; равным образом не имеет смысла приписывать советским руководителям «ритуализацию» марксизма (как якобы следствие его «догматизации»). Марксизм был сущностно связан со Страной

¹ Мосолов В.Г. ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921–1956. М., 2010. С. 209.

² Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 140.

³ «Большевизм, – пишет в этой связи Н.А. Бердяев, – оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды... Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа» (Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. СПб., 2016. С. 131).

Советов, и поэтому никак нельзя полагать марксистско-ленинскую догматику и идеологию некоей завесой, флером «истинных намерений» вроде восстановления Империи и т. п. (разве что метафорически). Опять же нет спора при этом, что советское (как и любое другое) государство не могло идти вслед за максимами и постулатами марксистско-ленинской (как и любой другой) теории, *подчиняясь идеям и текстам*, тем более что идеи можно переинтерпретировать, а тексты – «откорректировать» в нужную сторону. Основы же теории, т. е. ее фундаментальные аксиомы (догмы), изменить, переформулировать без последствий для государства невозможно, поэтому они и должны оставаться «самотождественными» и в принципе быть *«руководством к действию»* (но не планом, алгоритмом действия).

Дело вовсе не в том, что, как сказал К. Шмитт, «диктатура – противоположность дискуссии»¹. Жизнь советского (и не только) государства – не вечная дискуссия и полемика, а идеология – не праздник ума, не интеллектуальные игры и непрекращающееся творчество новых форм и смыслов в вечно изменчивом политическом пространстве, когда любая идея ли, концепция ли, факт обязательно нуждается в «дальнейшей разработке». В письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931) Сталин обрушивается с критикой на «любителей интеллектуальных игр», не желающих понять, что есть вещи, которые не могут быть подвержены ни критике, ни даже сомнению, и он пишет: «Это значит, что вы намерены вновь втянуть людей в дискуссии по вопросам, являющимися аксиомами большевизма. Это значит, что вопрос о большевизме Ленина вы вновь думаете превратить из аксиомы в проблему, нуждающуюся в “дальнейшей разработке”. Почему, на каком основании? <...> Этого не могут отрицать даже прямые враги большевизма. Это аксиома. А вы тянете нас назад, пытаетесь превратить аксиому в проблему, подлежащую “дальнейшей разработке”»².

Советское государство не могло обойтись без «священных текстов», основ теории. Это – идейные каноны, вечные и неизменные «платоновские идеи», догматика, «сумма марксистской

¹ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 95.

² «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. Ч. 1. История текста «Краткого курса истории ВКП(б)». 1931–1956. М., 2014. С. 65.

теологии» (именно это имел в виду Сталин, когда говорил: «Без теории нам смерть, смерть!»). «И если кто спросит, – говорит Сталин, – как же у вас нет ничего вечного? Сегодня одно, а завтра другое. Как же жить? Надо объяснить так: если вы хотите быть марксистами, то должны понять, что основы теории не меняются, а отдельные положения могут изменяться, значит, головой надо думать»¹. В самом деле, интересы, расклады сил, классовые соотношения, международные силовые балансы, союзы, договоры и пр. – всё это изменчивый мир, «мир подобий», находящийся в непрестанном становлении. Платоновское «дыхание вечности» в сталинском идейном мире хорошо прочувствовал Милован Джилас: «Для Сталина всё было преходящим. Но это была его философская точка зрения. Потому что за преходящим и в нем самом – за данной реальностью и в ней самой – скрываются некие абсолютные великие идеалы, его идеалы, к которым он может приблизиться, конечно, исправляя и сменяя при этом саму реальность и находящихся в ней живых людей»².

Этого подхода, установки не хватает современному российскому государству, и об этом говорят не только политики и ученые, но и художники слова. Так, известный современный писатель Михаил Елизаров справедливо утверждает: «Проблема России как государства в том, что она не занимается идеологией. Идеология – мистическая наука, нужны жрецы... <...> Существует стра-

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история. Ч. 1. С. 463. Краткий курс истории ВКП(б) явился монументальным шедевром сталинской теоретико-догматической системы, построенном на слиянии ленинизма и истории партии, истории и теории. Одна из важнейших задач Краткого курса, по словам Сталина, «состояла в том, чтобы на этой небольшой книжке показать, продемонстрировать силу и значение знания законов развития общества». И далее: «Теория – это есть законы развития общества и руководство к тому, чтобы, если старых законов не хватает, открыть новые. Это очень хорошая штука, уверяю вас» (С. 455). Вся соль книги – в ее «теоретическом уклоне». Сталин добавлял: «Уклон этой книги – в сторону теоретических вопросов»; «Кадры надо воспитывать на идеях, на теории»; «Но не в лицах соль, а в идеях, в теоретическом уклоне» (С. 428–429). Речь, таким образом, шла, по выражению Дэвида Бранденбергера, о «доктринальном толковании истории партии» (*Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1917–1941. М., 2017. С. 42).

² *Джилас М.* Указ. соч. С. 56.

на, и есть ее астральный, идеальный первообраз. Перетянуть его, материализовать, перетащить с Небес в земную реальность можно только при посредстве проводников. <...> Если у страны нет идеологии – у нее нет энергетической защиты»¹. Тем более жизненная важность идеологии, идейности для государства подчеркивается, конечно же, учеными: так, А.И. Фурсов говорит: «Новый мир построит тот, кто сформулирует новые смыслы, образ будущего в соответствии с этими смыслами, создаёт оргструктуры (команды), которые способны реализовать всё это как программу, и, в случае необходимости, сможет силовым, военным способом защитить и саму реализацию, и её результаты. Именно в такой последовательности: сначала победа в “метафизике” и только потом и на такой основе – победы в “физике”. А это невозможно без идеологии, без высокой идейности»².

Следует в очередной раз подчеркнуть, что роль И.В. Сталина как признанного классика марксизма-ленинизма в развитии теории огромна, однако она зачастую принижается, а иногда и просто отрицается историками, политологами, а также публицистами. Дело часто представляется так, будто бы Сталин, догматизировав, «омертвил» ленинское учение, превратив его в непререкаемый канон, и так получился безжизненный «марксизм-ленинизм в сталинской интерпретации». Странное получается «омертвление», когда учение стало идейным каноном огромной и могущественной страны (то есть марксизм стал, если только совсем немного преувеличить, всесильным).

Перри Андерсон, очень внимательный исследователь интеллектуального развития марксизма, совершенно несправедливо и некорректно говорит: «К тому времени, как правление Сталина достигло своего апогея, марксизм в России практически был сведен к формальному упоминанию. Страну, занимавшую в мире передовые позиции в развитии исторического материализма и обогатившую Европу разнообразием и силой ума своих теоретиков, за десятилетие превратили в полуграмотное болото, в страну, выделявшуюся лишь своей жесткой цензурой и грубой пропагандой»³.

¹ Цит. по: *Рылёв К.Э.* Курс лечения от постмодернизма: путеводитель по современной культуре. М., 2011. С. 239.

² *Фурсов А.И.* Указ. соч. С. 4.

³ Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М., 2016. С. 39.

П. Андерсон не понимает, что учение, ставшее мировоззрением (идеологией) правящей партии и государственной идеологией, источником доктринальных разработок и решений, неизбежно догматизируется, становится общеобязательной догмой, каноном, так что «разнообразие ума», несанкционированное творчество в обстановке внешних (да и внутренних) угроз и политической мобилизации народа не может быть допущено. Догматическая сфера должна быть безусловно защищена от посягательств, от несанкционированных вторжений. Нужен не просто марксизм, а догматическая система, и не просто «теоретический преемник», а сугубый догматик, вождь – и одновременно, если угодно, толкователь, «священнослужитель догмы». Это хорошо понимал Ленин, и, судя по многим фактам, основатель партии большевиков лично определил, предназначил Сталина быть своим политическим и теоретическим (догматическим) преемником (притом что Ленин готовил Сталина в качестве продолжателя дела и «наследника власти» задолго до своей болезни¹). Так, А.А. Зиновьев дает великолепную характеристику и оценку этой политической и духовной мессианской преемственности власти и учения: «Сталин дал наилучшее изложение ленинизма как идеологии. Он был верным учеником и последователем Ленина. Какими бы ни были их конкретные личные отношения, с социологической точки зрения они образуют единую историческую личность. Случай в истории уникальный». Но и с другой стороны, обратно: «Я не помню другого такого случая, чтобы один политический деятель большого масштаба поднял буквально на божественную высоту своего предшественника у власти, как это сделал Сталин с Лениным»².

Сталину предстояла сложнейшая операция – собрать из *западных* понятий, терминов и концептов убедительную конструкцию, которая должна быть положена в основу *советского* государства. Речь шла, по словам Д. Бранденбергера, о «гегемонии нового политического языка», которая «дала толчок разви-

¹ Этой проблеме посвящено немало исследований; в частности, см.: *Марков В.С.* Ленин и Сталин – основатели советской цивилизации // Сталин и современность / Отв. ред. Д.В. Джохадзе, Р.И. Косолапов. М., 2010. С. 160–164.

² *Зиновьев А.А.* Сталин. Сталинская эпоха. Сталинизм // Сталин и современность. С. 143.

тию особой советской формы социальной идентичности»¹. Более того, затем эту конструкцию предстояло предъявить тому же Западу, и не просто предъявить, но и завоевать успех у значительной части западной аудитории. Пролетариат, класс, диктатура, партия, марксизм, империализм, капитализм, социализм – все эти концепты предстояло вписать в одну стройную схему, почти платоновский идеальный чертеж «умного (и сильного) нового мира», нового идеального государства.

V

Поскольку историческая новизна СССР – новизна во всех отношениях (и прежде всего, говоря словами Ленина, «в таком новом, для всей мировой истории новом деле, как создание невиданного еще *типа* государственного устройства»²) – была ярчайшим фактом, признаваемым всем миром, постольку идейно-политический фундамент монументального здания Страны Советов должен быть выстроен незыблемо и абсолютно убедительно. Партия была для Страны Советов источником государства, власти и закона – практически божественной *инстанцией*, которая должна была иметь своего рода «теологическое», метафизическое оформление.

Требовалось подчинить историю доктринальной логике, историческое – логическому, что и было сделано Лениным и Сталиным. «Ленин, – говорит С.А. Левицкий, – построил классический марксизм в боевой порядок, внося поправки там, где это диктовалось соображениями воинствующего панполитизма»³. Сталин, по словам Е.И. Суименко, «сумел подчинить *историческое логическому* – в этом его величие. Хотя историческое и логическое... далеко не всегда совпадают, то для такого подчинения ему временами приходилось применять силу власти – идти напролом и рубить сплеча»⁴. «Практику художника-властителя, – пишет Борис Гройс, – оправдывает, по существу, лишь выделяющее его из толпы простых смертных знание того, что мир эласти-

¹ Бранденбергер Д. Указ. соч. С. 25.

² Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 44. М., 1964. С. 148.

³ Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. М., 1996. С. 430.

⁴ Суименко Е.И. К вопросу о реконструкции сталинского наследия // Сталин и современность. С. 239.

чен, и поэтому всё, кажущееся обычному человеку устойчивым и непреходящим, в действительности относительно и может быть изменено»¹.

Надо заметить, что и Ленин, и Сталин работали с уже воздвигнутым Энгельсом и Марксом историософским концептом «пролетариат», равно как и с другими концептами, или «идеолого-теоретическими конструктами» (В.Л. Шейнис), или «терминами-идеологемами» (Д.М. Фельдман). Пролетариат – эта, по сути политическая теологема, или «идеолого-политический конструкт», возведенный в ранг политической теологеми, создана («построена») и введена в общественную мысль Запада основателями марксизма настолько мощно и уверенно, что имеет силу и поныне. Догмат единства пролетариата не полностью потерял свою силу и в наши дни (правда, в основном речь идет скорее о лозунге, что же до признания, так сказать, наличного бытия самого пролетариата, тут мнения расходятся).

Об этой марксистской «политической концептологии», «идеологической филологии» (В.С. Нерсисянц²), или в конечном счете догматике необходимо сделать несколько уточнений. В.Л. Шейнис, разбирая полемику 1918 г. Ленина, Каутского и Троцкого о диктатуре пролетариата, пролетарской демократии и социализме, справедливо заключает: «Все они оперировали идеолого-теоретическими конструктами, имевшими очень отдаленное отношение к существу дела. Ни в России, ни в Европе переход к социализму, как он рисовался Марксу, Ленину (да и Каутскому), в порядке дня не стоял, как и не стоит он век спустя»³. Однако в заслугу Марксу и Энгельсу следует сказать, что эти *конструкты* всё же надо было прежде *сконструировать*, создать, облечь определенной авторитетностью; сконструировать не по отдельности, а в качестве элементов «*научно-политической конструкции*»; наделить их идейной силой и смыслом с тем, чтобы они обладали идеологической убедительностью и привлекательностью. Всё это оказалось под силу классикам-основателям и классикам-практикам марксизма – сделать, помимо перечисленного, еще и так, чтобы последующая политическая мысль лишь с огромным трудом могла бы

¹ Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. М., 2013. С. 14.

² См.: Нерсисянц В.С. Философия права. М., 2003. С. 227.

³ Шейнис В.Л. Большевицкая власть и первая советская Конституция // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 120.

вырваться из их категориально-понятийных сетей, чтобы мыслители, теоретики, идеологи, полемисты и политики не вышли бы за рамки марксистских конструкторов, не уклонились от использования их в своей деятельности.

Идеологическая убедительность и привлекательность научно-политических по форме, политико-догматических по сути построений не может быть достигнута также и без воздействия на эмоции тех (как групп, так и отдельных людей), кого идеологам и политикам необходимо убедить и привлечь на свою сторону. Исследуя «маркированные политические термины» в отвлечении от теоретического содержания, но делая упор на идеологическую и эмоциональную нагруженность, Д.М. Фельдман использует понятие «термин-идеологема»: «Весьма часто термины, используемые для описания политических событий (и в особенности, хочется добавить, для создания концепций и теорий. – А.Н.), маркированы, эмоционально окрашены. Соответственно, передающий информацию задает изначально – посредством термина – эмоциональное отношение к описываемым событиям. <...> Весьма часто маркированные политические термины – часть какой-либо идеологии. Целенаправленное использование маркированных терминов-идеологем было и остается средством управления массовым сознанием. Средством эффективных манипуляций. Это закономерно. Термин легко запоминается, легкость запоминания и, соответственно, распознавания создает иллюзию понимания»¹.

Интересно, что после окончания Второй мировой войны перед американскими политиками и идеологами, стратегами и тактиками встала задача продвижения в общественно-политической мысли Западной Европы своих концепций, идей и теорий; внедрения своих идеологем и интеллектуальных конструкций, в достаточной мере удобных в качестве подспорья для насаждения американизма, для перестройки интеллектуального каркаса западноевропейской политической мысли. Политическая наука, политическая философия Европы, равно как и все другие социальные науки, согласно этим гегемонистским замыслам и планам, должны быть переформатированы по американским принципам. В самом деле, как иначе удобные и нужные для атлантических идеологов идеологемы, мифологемы и другие конструкторы (вроде

¹ Фельдман Д.М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2015. С. 9.

«конца идеологий», «постиндустриализма», «тоталитаризма») или, иным образом, *догмы* превратить в научные концепции, если не теории? Как различным идейным конструктам из арсенала «наступательной идеологии» придать научный статус? Равным образом, как уберечь от анализа свои методы внедрения стереотипов, достижения управляемости обществом и общественным мнением? Как представить в качестве желательного образа мира свою гегемонию? Одним словом, как внедрить в европейскую мысль *американский догматизм*?

Американская «теоретическая монополия» заключалась не столько во влиянии, «теоретическом диктате» и пр. Суть дела состояла во встраивании, внедрении американских образов, стереотипов, штампов в понятийно-категориальный аппарат европейской политической науки, который под американским воздействием должен был подвергнут кардинальной переработке (так оно и вышло). По сути, речь шла о пересоздании понятийного каркаса политической науки: введение одних понятий и снижение понятийного статуса других, элиминация ряда категорий или их переформулировка в нужном ключе, изъятие марксистской терминологии, вообще ликвидация языка марксизма и т. д. «Язык, а не деньги или власть, – говорит канадский публицист Джон Ролстон Сол, – обеспечивает легитимность. До тех пор пока военные, политические, финансовые или религиозные институты не установят контроль над языком, воображение масс будет оставаться в плену своих собственных представлений. Неконтролируемые слова для властей куда опаснее, чем вооруженные силы»¹. Язык был оружием: так, С.К. Рощин подчеркивает принципиальную важность владения словом, ценность мастерства использования слов в политическом и идейном противостоянии, ведь «язык не только выражает мысль, но и определяет зачастую, как эта мысль будет понята. Большую роль в этом отношении могут сыграть отдельные слова, которые занимают в тексте как бы особое положение и создают определенную установку на его понимание и интерпретацию. Такие слова можно назвать словами-индикаторами, явно или незаметно направляющими ход мысли читателя или слушателя. Умелое и точное использование слов предполагает, помимо хорошего знания языка и его формальных правил, своего рода чувство языка, позволяющее уловить тончайшие оттенки не

¹ Сол Дж.Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2007. С. 14.

только прямого смысла слов, но и их эмоциональной и оценочной окраски. Кроме того, слова обладают такими качествами, как сила или слабость, активность или пассивность, твердость или мягкость, упругость или жесткость и т. д., и мы хорошо, хотя обычно неосознанно, это чувствуем»¹. Поэтому не столь очевидная, но достаточно ожесточенная борьба за «утверждение своего языка» велась атлантистами, и велась успешно, во второй половине XX в. В наши дни некогда всепобеждающий либерализм в его американском исполнении стремительно теряет силу, влияния, престиж; марксизм же – может быть, конечно, не с такой стремительностью, – восстанавливает свою былую силу.

VI

Монументальная теоретическая конструкция, возведение которой довершает Сталин, согласно его словам, есть *ленинизм*, развитие верным ленинцем доктрины Ленина, который, в свою очередь, опирается на Маркса и Энгельса. «Ленинизм, – определяет Сталин, – есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности»². Если Ленин утверждал, что «главное в учении Маркса, это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества»³, то главное в учении Ленина, в ленинизме, повторим вместе со Сталиным, это диктатура пролетариата: «Правилен ли тезис Ленина о том, что диктатура пролетариата является “коренным содержанием пролетарской революции”? Безусловно, правилен. Правилен ли тезис о том, что ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции? Я думаю, что правилен. Но что же из этого следует? А из этого следует, что основным вопросом ленинизма, его отправным пунктом, его фундаментом является вопрос о диктатуре пролетариата»⁴.

¹ Роштин С.К. Психология и журналистика. М., 1989. С. 141–142.

² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 106. «Отныне, – пишет Сталин в работе 1927 года, – **единственным** носителем и оплотом марксизма является ленинизм, коммунизм» (С. 181).

³ Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 21. М., 1961. С. 1.

⁴ Сталин И.В. Указ. соч. С. 108. Конечно, нельзя сбрасывать со счета и момент, который, казалось бы, не имеет отношения ни к теории, ни

Сталин пишет: «Партия осуществляет диктатуру пролетариата. “Партия – это непосредственно правящий авангард пролетариата, это – руководитель” (**Ленин**). В этом смысле партия **берет** власть, партия **управляет страной**. Но это еще не значит, что партия осуществляет диктатуру пролетариата помимо государственной власти, без государственной власти, что партия правит страной помимо Советов... Партия есть ядро власти. Но она не есть и не должна быть отождествлена с государственной властью»¹. Вписывая партию как руководящую силу в систему диктатуры пролетариата и признавая, что «диктатура пролетариата есть, **по существу**, “диктатура” его авангарда, “диктатура” его партии как основной руководящей силы пролетариата»², Сталин делает массу оговорок, уделяет внимание оттенкам смысла, проводит линию различения между «диктатурой пролетариата» и «“диктатурой” партии», выступая, если вспомнить выражение В.С. Нерсисянца, талантливым и изощренным «идеологическим филологом». Цель Сталина – вовсе не доказать, что никакой *диктатуры партии* не существует, не исключить это словосочетание из политики и риторики, но оформить теоретически и догматически «*диктатуру*» *партии* так, чтобы этот новый концепт был особым образом включен в партийно-политический дискурс *не в противопоставлении, но наряду* с диктатурой пролетариата.

Уже когда Сталин задается вопросом, можно ли «между диктатурой пролетариата и руководящей ролью партии (“диктатурой” партии)... провести **знак равенства**», – ясно, что «*диктатуру*» *партии* нельзя назвать несуществующей: во всяком случае, уже можно трактовать «*диктатуру*» *партии* как ее руководящую роль, и наоборот. Тем более это следует из несколько противоречивого утверждения: «Если партия проводит диктатуру пролетариата, и в этом смысле диктатура пролетариата является, **в сущности**, “диктатурой” его партии, то это еще не значит, что “диктатура партии” (руководящая роль) **тождественна** с диктатурой пролетариата, что первая **равняется** второй по своему объему». И далее идут пять пунктов почти теологических обоснований, исходящих из того, что «диктатура пролетариата по объему шире и бога-

к догматике, ни к политической обстановке, – это экспрессивное, энергичное звучание словосочетания «диктатура пролетариата».

¹ Сталин И.В. Указ. соч. С. 124.

² Сталин И.В. Указ. соч. С. 121.

че руководящей роли партии»¹. Смысл обоснований – показать «*диктатуру*» партии по отношению к диктатуре пролетариата как ее сущность, квинтэссенцию. Поэтому нельзя не только отождествлять «*диктатуру*» партии и диктатуру пролетариата, но и, настаивает Сталин далее, нельзя их *противопоставлять*: «Нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата руководству (диктатуре) партии. Нельзя, так как руководство партии есть главное в диктатуре пролетариата, если иметь в виду сколь-либо прочную и полную диктатуру»².

Почему в качестве пары для запрета отождествления/противопоставления диктатуре пролетариата избирается именно «*диктатура*» партии, почему отношения устанавливаются между диктатурой пролетариата и «*диктатурой*» партии? Почему бы просто не потребовать запрета, исключения из теории, полемики и пр. этого необычного понятия – «диктатура» партии (оставив только «руководство»)? Потому что без него система не будет работать, повиснет в воздухе, потеряет прочность и полноту (по Сталину), оставит слишком много вопросов, сомнений и соблазнов перетолкования, переинтерпретации, теоретических достраиваний уже готовой иерархической *системы диктатуры*. Слово «руководство», хотя и употребляется синонимично «диктатуре» партии, явно недостаточно, неконкретно. Не исчерпывают смысла *предстояния* партии перед пролетариатом и ее трактовки как «вождя», «учителя» – без «диктатуры» не обойтись. Поэтому, обставляя множеством уточнений, оговорок, дистинкций; сознавая, что «формула диктатура партии, взятая без... оговорок, может создать целый ряд опасностей и политических минусов в... практической работе»³, Сталин, несмотря на всё это, оставляет концепт «диктатуры» партии в лексиконе и теории. Дело тут в неразрывной связи пролетариата и партии: партия единсущна пролетариату, и только ему; партия есть *энтелехия пролетариата*, и только этого класса; и если уж пролетариат добился диктатуры, то и партия необходимым образом, но в определенной мере – также диктатор. Если отменить диктатуру пролетариата (рабочего класса), то придется отменять и саму партию (так, собственно, и вышло некоторое время спустя после смерти И.В. Сталина).

¹ Там же. С. 122–123.

² Там же. С. 128.

³ *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 135.

VII

Но что же такое партия («правлящая партия»)? Представляется, она занимает место *силы*, обеспечивающей единство и монолитность пролетариата-суверена (да и само существование его как единого и монолитного класса), равно как и его «единство воли»; и *инстанции*, осуществляющей руководство пролетариатом-сувереном («пролетариат царствует, партия правит»). Партия цементирует пролетариат, делая его настоящим сувереном в том государстве, «официальным» диктатором которого он является (или, если не противоречить сложившемуся употреблению термина «суверенитет», делая государство диктатуры пролетариата – сувереном).

Надо особо отметить, что слова «партия» и «сила» в советском – не только политическом, но и научном – лексиконе стояли рядом, сливались, так что понятие силы, можно сказать, изначально включалось в определение партии. Власть – трудящихся, диктатура – пролетариата, а сила – почти исключительно партии, а если и класса, то в связке с партией: «Мозг класса, дело класса, сила класса, слава класса – вот что такое партия!» (Маяковский). С классом (т. е. пролетариатом) ассоциировались слова «мощь», «могущество», но не «сила». Михаил Рыклин, пристрастный, но проникательный критик сталинизма, вслед за Ароном и со ссылками на его «Опиум интеллектуалов», признающий коммунизм религией¹, неожиданно сообщает: «В 20-е и 30-е годы XX века Москва стала плоскостью проекции необычайной силы: что бы ни происходило в новой Мекке, всё преображалось, превращалось в часть ее завораживающей силы»².

Именно как *силу* партия вписывает себя в Конституцию 1977 г.; вписывает, ибо имеет *силу*, власть вписывать себя в основной закон. Но собственно то, что «непререкаемый принцип партийного руководства государством и обществом потребовалось

¹ Так, небезынтересны его мысли: «Политическая религия или научная идеология, как она себя именвала, в отличие от ее предшественниц не ограничивается пространством храма; ее храмом становится всё, к чему она прикасается. Она не знает вне себя ничего профанного; новой идеологией сакрализуются станции метро... высотные здания, жилые дома...» (Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М., 2009. С. 27).

² Рыклин М. Указ. соч. С. 32.

подкрепить законом»¹, и есть свидетельство начавшегося ухода, отступления *от* партии *ее* силы (раз потребовалось подкрепить законом ту силу, которая сама была законом). К тому же понятие *силы* едва ли было уместно в основном законе, не говоря о других понятиях и формулировках. Получается, по сути, что в правовом документе столь высокой юридической значимости, как конституция, сила предшествует праву, как бы нарушая принцип *potentia debet sequi iustitiam, non antecedere*. При этом авторы текста ст. 6 постарались не забыть и о разуме (подключив, так сказать, дублирующий источник закона), однако сделано это было с подчеркиванием опять-таки «силовой» составляющей: партия, «вооруженная марксистско-ленинским учением». Иными словами, партия не могла воспринимать себя иначе, как силу, *вооруженную силу*, даже пытаясь встроиться в право, которое до этого она же сама творила. Но следует оговориться: эта сила – особая, умная сила, ведь «обычная сила» – вещь изменчивая, сложно обладать силой постоянно, время от времени она уходит, оставляет своего обладателя, теряется. Право же, вполне возможно, помимо дополнительной легитимации («основную легитимацию» партии предоставляли *теория и история*), могло придать лишнюю, в некоторых моментах остро необходимую устойчивость. Но сила партии имеет иную природу. Какова же природа той силы, которой обладала партия? Как представляется, источник (или, во всяком случае, важнейший источник) силы партии или *партии как силы* – это идеи, идейный комплекс, идейный фундамент (учение Маркса и Энгельса, развитое Лениным и Сталиным). Иными словами, партия – это «умная сила», или «умная партия»², обладающая умным логосом. Интересно, что именно силой идей СССР (во главе с компартией) поддерживал свое влияние в мире: коммунистические партии, рождающиеся по всему миру с начала 1920-х гг., стали «идейными базами», в противоположность США, с начала XX в. развивающим систему военных баз.

¹ Бахтамов Р. Великолепная шестерка // Страна и мир. 1990. № 1 (55). Январь-февраль. С. 18.

² Тут можно вспомнить пассаж из ленинского письма немецким коммунистам 1921 г., в котором Ленин призывал их «терпеливо строить крепкую и умную коммунистическую партию» (*Ленин В.И.* Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 44. М., 1964. С. 89).

Умная сила и мистическая целостность... Вообще партия – это часть, но советская компартия если и принимала по отношению к себе предикаты частичности, то всегда в активном смысле: ядро, авангард и т. п. При этом партия не мыслила себя частичным образом, обнимая, если не *перекрывая* целостность – общества ли, государства ли, народа. Так М.Я. Вайскопф, анализируя ряд высказываний Сталина о партии, о соотношении партийного аппарата и партийных масс, усматривает в сталинских конструкциях «ноуменальное инобытие партии», некий таинственный «главенствующий элемент, а именно “партия” как таковая... Это столь же неуловимая, сколь и могущественная абстракция, которая витает, подобно божественному арбитру, над обеими своими составными (аппарат и массы. – А.Н.). Ближе всего к ее сущности стоит, очевидно, понятие “единое целое”, но и здесь нет полной тождественности – ибо партия эту свою целостность оценивает тоже как бы извне, словно отвлекаясь от себя самой». Вчитываясь в слова Сталина «Трудности будут. Но мы их преодолеем, как преодолевали до сих пор, ибо мы – большевики, выкованные железной партией Ленина», исследователь восхищается: «Оказывается, партия – как отвлеченное субстанциальное единство – “выковывает” именно тех, из кого она состоит, т. е. самое себя. Партия одновременно имманентна и трансцендентна сообществу большевиков, тождественна и внеположна ему»¹. Практически партия, единая партия, выступает здесь как Единое Плотина, одновременно имманентное и трансцендентное сущему.

О «метафизике партии» немного иронично, но, впрочем, вполне серьезно рассуждает Р.Б. Бахтамов: «Руководящая роль партии действительна только как *данность*: она существует, потому что она существует. Любая попытка обосновать этот принцип или хотя бы задуматься над ним смертельно опасна. Всё это – сфера метафизики, первооснов бытия... Внести этот высший, божественный принцип в конституцию (наряду с правом на жилье и унылым перечнем министерств и госкомитетов) значит

¹ Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2002. С. 69-71. Не менее характерно и приводимое Вайскопфом сталинское высказывание: «Ильич учил нас учить партию на ее ошибках. <...> Задача наша состоит в том, чтобы улавливать эти ошибки, вскрывать их корни и показывать партии и рабочему классу, как мы ошибались» (С. 74).

сделать его *земным*, превратить в мишень»¹. И далее практически гимн партии: «Это была сила всепроникающая, загадочная, метафизическая, вознесенная над человеком, обществом, государством, наделенная сверхчеловеческой способностью видеть будущее человечества... *Метафизическое, иррациональное* – таково, пожалуй, главное, что отличало партию от всех других учреждений и институтов XX века. Сталин, назвавший партию орденом меченосцев, довольно точно уловил истоки этого иррационального могущества»².

Такова «метафизика партии», «партийный платонизм» (власть партии – власть философов, «партии философов», созерцающих подлинное бытие, догматический мир идей, живущих истиной, а не мнениями; пролетариат же – «диктатор» – в этой аналогии может быть уподоблен платоновским стражам). Отсюда и проблемы определения (и политического, и юридического) как самой партии (что взять за *genus proximus*?), так и роли партии в советском обществе (если не пользоваться словами «сила», «ядро», «авангард» и т. п.), ведь определение – это ограничение, а, как уже не раз было подчеркнуто, партия не могла себя ограничивать ни на практике, ни в общепринятой теории: как ограничить силу, которая *не могла* полагать себе пределов?

¹ Бахтамов Р. Указ. соч. С. 19.

² Там же. С. 24.